УДК 355.23(47) “17/18”:94(47).07

Гребенкин А.Н.,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
кандидат исторических наук

Новикова И.П.,
ассистент кафедры социальной работы и педагогики
профессиональной деятельности Орловского филиала РАНХиГС
при Президенте РФ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – 1-Й ПОЛОВИНЕ XIX в.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье дается анализ влияния правительственной политики на социокультурное пространство и преподавательский состав российских кадетских корпусов. Авторы показывают, что политика, построенная на принципах неусыпного контроля и жестоких наказаний, разрушала образовательную среду военно-учебных заведений.

Ключевые слова: государственная политика, кадетский корпус, Российская империя.

Вторая треть XVIII в. – это время появления привилегированных военных учебных заведений для дворян – Сухопутного шляхетного корпуса (1731 г.) и Артиллерийского и Инженерного шляхетного корпуса (1762 г.), положивших начало системе отечественного военного образования. Первое из этих учебных заведений стало своеобразным «дворянским университетом», давшим путевку в жизнь многим полководцам, ученым, литераторам. Организованный в соответствии с педагогическими идеями И.И. Бецкого, Сухопутный шляхетный корпус стал, по словам Екатерины II, «рассадником великих людей». Наивысшая точка его расцвета пришлась на 1787–1794 гг., когда во главе корпуса стоял генерал Ф.Е. Ангальт, дальний родственник Екатерины II, долгое время пользовавшийся ее покровительством. Руководство Артиллерийского и Инженерного шляхетного корпуса, директором которого с 1783 г. был П.И. Мелиссино, придерживалось схожей политики, направленной на развитие личности каждого отдельного воспи-

танника. Знаменитая «говорящая стена» в саду Сухопутного шляхетного корпуса, свободный доступ к книгам, просвещенные и гуманные наставники, отсутствие телесных наказаний — все это способствовало формированию самостоятельного мышления, высокому уровню интеллектуального развития кадет, выработке у них понятий о гражданском долге, об обязанностях дворянина перед Отечеством. Из стен корпусов выходили блестяще образованные, высоконравственные люди, полные благих намерений и горевшие желанием воплотить их в жизнь.

Однако педагогическая система Бецкого и Ангальта, направленная на воспитание «новой породы» людей, очень быстро стала давать серьезные сбои, тем более опасные, что жертвами их оказались не благородные барышни-смолянки, а офицеры, которым предстояли походы и сражения. Ангальт, содействуя развитию кадет в духе идей Просвещения, «перегнул палку». Директор сознательно превратил военное учебное заведение в некое подобие пансиона благородных девиц, полностью изолировав кадет от окружающего мира, чрезмерно холя и лелея их. Ангальт не раз говорил своим воспитанникам: «Мне кажется, мои милые дети, что в этом саду, в наших рекреационных залах, в наших дортуарах и классах мы окружены, как оболочкой... приятными и полезными средствами для нашего развлечения, для наших занятий и нашего образования».

Роковую ошибку быстро осознали современники. Так, на негативные последствия реализации идей Просвещения в стенах военного учебного заведения указывал С.Р. Воронцов: «Стремление быть универсальным и знать все приводит к тому, что не знают ничего... Офицеры, выходившие из нашего старого кадетского корпуса, были хорошие военные и только, воспитанные же Бецким, играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен знать офицер»[1].

Кроме того, офицеры-энциклопедисты, вышедшие из стен корпуса, где они пребывали, как в оранжерее, в течение 15 лет, оказывались малоподготовленными к реальной жизни в полку, далекой от идеалов Просвещения. Бывшие кадеты, будучи не в силах мириться с окружавшей их нравственной грязью, нередко кончали самоубийством.

По словам выпускника Сухопутного шляхетного корпуса Ф.Н. Глинки, «ангальтову систему воспитания порицали, и не без основания. Метода Ангальта превращала корпус в какую-то нравственную оранжерею. Отделенные своею стеною от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались за этою стеною безвыходно около двух десятилетий. Живя жизнью анахоретов, без всякого общения с деятельностью, страстями и нравами внешнего мира, — кадеты составили свой особенный мир. У них были свои поверья, предания, свой собственный, может быть, слишком утопический взгляд на жизнь... Эти молодые растения слишком разнежились в их искусственном климате и становились малоспособными к перенесению стужи внешнего быта общества, в которое должны же были, наконец, вступить после долговременного затворничества... Вынося из своего уединения избыток чувствительности, доброты, часто простодушной до забавного, и романтическую наклонность к мечтам, они, несмотря на всю роскошь своего воспитания, долго не могли сделаться деловыми, годными работниками...»[2].

После смерти Ангальта его преемники сочли своим долгом отказаться от традиции «оранжерейного» воспитания. Новый директор корпуса М.И. Кутузов при вступлении в должность так обрисовал кадетам свои педагогические принципы: «Граф Ангальт обращался с вами, как с детьми, а я буду обходиться с вами, как с солдатами»[3].

Однако настоящий перелом в правительственной политике в отношении системы военного образования, во многом определивший новый облик военных учебных заведений, произошел при Павле I и в первые годы правления Александра I. Его последствия нельзя назвать удачными: одна крайность сменилась другой. Вместо того, чтобы, сохранив благожелательную атмосферу, способствовавшую умственному развитию кадет, приблизить образование к жизни и отказаться от изоляции кадет от окружающей действительности, решено было покончить с образованием.

Именно образованность, а не оторванность воспитанников от мира, находившегося за стенами корпуса, была объявлена главным злом, с которым необходимо было бороться. Тем самым военному образованию был причинен колоссальный вред: «умствовать» и «рассуждать» отныне запрещалось, а кадеты и их наставники на долгие годы обратились в простых статистов, марионеток, всецело зависевших от воли высокого начальства и не имевших права на собственное мнение.

Смена принципов руководства, действительно необходимая, на деле обернулась простым возвратом к жесточайшим репрессиям петровских времен. Либеральную модель руководства, многое отдававшую на усмотрение непосредственных руководителей военно-учебных заведений, вытеснила репрессивно-авторитарная система, сочетавшаяся с детальной регламентацией внешнего и внутреннего уклада корпусной жизни.

В 1800 г. Императорский Сухопутный шляхетный кадетский корпус был переименован в Первый кадетский. Тем самым было продекларировано его превращение из «Рыцарской академии» в узкопрофильное училище, готовившее офицеров для войск.

Новым требованиям отвечало и новое руководство корпуса. В том же 1800 г. директором Первого кадетского корпуса стал Фридрих-Максимилиан (в России его звали Федором Ивановичем) Клингер. Формально над ним стояли шеф корпуса П.А. Зубов и главноначальствующий над кадетскими корпусами великий князь Константин Павлович, но они никак не влияли на жизнь корпуса. Император Александр I за все время своего царствования побывал в корпусе всего два-три раза; таким образом, Клингер в течение всего своего долгого директорства (1800—1820 гг.) управлял корпусом в соответствии со своими убеждениями.

Клингер был не просто русский генерал немецкого происхождения — он был известный писатель, давший своей пьесой «Sturm und Drang» название литературному направлению «штюрмеров», и близкий друг Гёте. В России он, однако, зарекомендовал себя далеко не с лучшей стороны. «Будучи хорошо образованным человеком, он, по воспоминаниям большинства современников, все же не снискал любви воспитанников, так как совсем не интересовался педагогикой и не любил детей»[4]. Бывший воспитанник Корпуса А.Е. Розен вспоминал, что кадеты прозвали директора «Белым медведем». «Белый медведь» «почти все время ... проводил на своей квартире, лежа на длинных вольтеровских креслах, в белом халате и колпаке, с длинной трубкой во рту, с пером и книжкой в руках. ...когда заметит перед собой кадета навытяжку... то медленно поворотит голову и кивнет, а дослушав рапорт, снова в книжку носом уткнется, не вынув трубки изо рта»[5]. Любимым выражением Клингера было: «Русских надо менее учить, а более бить»[6], — и детей при нем секли нещадно. От идеального офицера, по его мнению, требовались владение иностранными языками, некоторые начальные знания, отличная строевая выправка и безукоризненная дисциплина.

Широкая образованность для офицера была нежелательным качеством не только в глазах Клингера, но и в глазах самого императора Александра I. Занятия науками сменились строевыми упражнениями, а телесные наказания стали явлением обыкновенным. Один из бывших питомцев Ангальта А.Н. Соковнин, уже в 20-е годы XIX века отдавая своих детей в корпус, по собственному признанию, «ужаснулся той перемене, какую я нашел теперь. Куда девалась вежливость, благородное обращение! У нас наказание розгами было вещию редкой, а тут каждый офицер дерет, когда ему вздумается. Стыд наказания пропал, — разницы между кадетом и солдатом не стало. Невежество, необразованность...так ли было в наше время?..»[7].

Кульминацией репрессивной политики, эпохой ее торжества стало николаевское время, когда главным директором кадетских корпусов стал ханжа и обскурант генерал-адъютант Н.И. Демидов, сокративший преподавание наук до минимума. На возражения директора Первого кадетского корпуса, либерального и просвещенного М.С. Перского Демидов отвечал: «Помилуйте, пустое! Вот я ничему не учен и книжек не читаю, а извольте видеть — служу честно и аксельбант ношу!»[8]

Подобных же взглядов придерживался и сам Николай I. В воспоминаниях историка С.М. Соловьева есть весьма показательный эпизод: «Посещает император одно военное училище; директор представляет ему воспитанника, показывающего необыкновенные способности, следящего за современной войной, по своим соображениям верно предсказывающего ход событий. Что же отвечает император? Радуется, осыпает ласками даровитого молодого человека, будущего слугу отечества? Нисколько. Нахмурившись, отвечает Николай: «Мне таких не нужно; без него есть кому думать и заниматься этим; мне нужны вот какие!» — с этими словами он берет за руку и выдвигает из толпы дюжего малого, огромный кус мяса, без всякой жизни и мысли в лице и последнего по успехам»[9].

Разрушив образовательное пространство кадетских корпусов екатерининской эпохи, реформаторы александровской и николаевской эпох нанесли жестокий удар и по преподавательскому корпусу. Почин в этом деле принадлежал Павлу I. Идея исключительности в военном деле была нетерпима для «русского Гамлета». «Не свободное творчество, а строгая уставная дисциплина, не своеобразие, а безусловное подчинение общим правилам в рамках единого воинского организма — вот что должно, по мысли Павла, определять жизнь любого подразделения армии, а Корпус рассматривался императором как одно из таких подразделений»[10].

Знаковым явлением стало изгнание из Сухопутного шляхетного корпуса при Павле I французских наставников — так называемых «аббатов». Они были заменены строевыми офицерами, знавшими лишь одно средство воздействия на воспитанников — розги. А скудное жалованье, которое в первой половине XIX в. выплачивалось штатским педагогам, отнюдь не способствовало приходу в корпуса профессоров и писателей. Способные учителя ушли; их место заняли случайные люди.

Тяжелое материальное положение учителей, их низкий социальный статус не позволяли им завоевать авторитет в глазах воспитанников. Часто наставники будущих офицеров приходили на занятия бедно одетыми, в поношенной одежде и стоптанных сапогах. Н.В. Вохин, выпускник Второго кадетского корпуса, вспоминал, что учителя нижних классов были «люди добрые и знающие», но некоторые из них были настолько бедны, что «дозволяли кадетам наполнять пустые учительские карманы кусками хлеба, мяса, каши и масла в бумажках»[11].

Бывший воспитанник Второго кадетского корпуса, обучавшийся в нем в 1822—1832 гг., вспоминал: «...был у нас учитель немецкого языка, Гр...н, вероятно, человек очень бедный, ибо приходил в класс одетый крайне неопрятно: иногда с разорванными локтями, а иногда в сапогах, из которых выглядывали пальцы... Были и такие учителя, которые собирали с кадет дань медными пуговицами, говоря, что это годится на самовар, или булками, которые, нимало не конфузясь, увязывали в платки»[12]. В Военно-сиротском доме «учитель арифметики Иноземский...постоянно старался разжалобить кадет своей бедностью, и кадеты собирали ему сальные огарки и куски хлеба»[13].

От нужды не были застрахованы даже заслуженные преподаватели. Профессор российской словесности Иванов, преподававший в Первом кадетском корпусе с 1812 г., в 1830 г. был удостоен высочайшего внимания именно по причине своей вопиющей нищеты. Николай I встретил Иванова в морозный зимний день на Невской набережной. Профессор, отдавший шинель в починку, шел из корпуса одетый в один сюртук и дрожал от холода. Император, отправив Иванова на гауптвахту обогреться, навел о нем справки (отзывы начальства были более чем положительными) и повелел не только выдать профессору теплую шинель, но и удвоить ему жалованье[14].

В таких условиях военные учебные заведения оказались наводнены разного рода случайными людьми, не обладавшими специальными познаниями и не имевшими ни малейшей склонности к преподавательской деятельности[15].

В Московском кадетском корпусе в начале 30-х годов преподавателями были корпусные офицеры; «ученость их была весьма сомнительна, почему и выезжали

они больше на щелчках да на толчках. Поверки познаниям и учительским способностям их тогда никакой не было, а потому попасть в преподаватели было очень легко — была бы только охота»[16]. Некий капитан Ф-р 1-й, «человек бездарный во всех отношениях», читал русскую грамматику слово в слово по учебнику и даже не помышлял о расширении собственного умственного кругозора. Впрочем, стимула к этому у него не было, ибо в то время «высшее начальство на жалованье, выдаваемое корпусным офицерам за преподавание наук, смотрело как на сердобольное пособие»[17].

Как сообщал в 1834 г. член Совета о военно-учебных заведениях И.М. Фовицкий, учителя в своей массе — «такая посредственность, что строгим требованиям звания [учителя] не удовлетворяют»; «если в корпусе появятся два-три хороших преподавателя, их обычно переманивают на лучшие места. 2-й кадетский корпус в Петербурге «с трудом удовлетворяет свою потребность в учителях потому только, что удален от средины города», а Московский корпус «не может иметь даже посредственных учителей». В провинции же, по словам генерала Сиверса, вообще было «невозможно находить хороших учителей»[18].

В особенно тяжелой ситуации оказалось преподавание иностранных языков. Первопричиной здесь была личность учителя, которым, как правило, был иностранец, случайно оказавшийся в России и обладавший лишь одним «богатством» — знанием своего природного языка. Бóльшая часть преподавателей французского языка рекрутировалась из осевших в России солдат Великой армии, которых кадеты презрительно именовали «барабанщиками», не ставили ни в грош и беспрестанно травили, пользуясь приниженностью бывших французских солдат и тем, что они плохо знали русский язык.

Статус учителей в корпусах оставался неопределенным вплоть до 1836 года, когда они были приравнены к государственным чиновникам. Кроме того, по «Положению» 1836 г. для желающих преподавать в корпусах должны были проводиться предварительные испытания. От испытаний освобождались преподаватели, имеющие звание профессора или адъюнкта в военном учебном заведении, окончившие полный курс наук в одном из русских университетов, Главном Педагогическом институте, а также в лицеях, духовных академиях и получивших соответствующий документ (аттестат). Конкурс в военно-учебное заведение состоял в том, что каждый из соискателей вакантных мест давал пробную лекцию в присутствии инспектора классов, одного или двух старших учителей того же предмета этого же военно-учебного заведения и профессора высшего учебного заведения[19].

Эта мера оказалась весьма действенной: в 40-е гг. и особенно в предреформенное время среди корпусных учителей было немало лиц с университетским образованием. И это относилось не только к столичным корпусам и Московскому кадетскому корпусу, но и к тем военно-учебным заведениям, которые раньше отличались полным отсутствием системы преподавания, — и одним из таких преобразившихся заведений был знаменитый Дворянский полк.

Один из выпускников Дворянского полка так описывал преподавателя словесности И.И. Введенского, выходца из духовного звания: «Иринарху Ивановичу Введенскому мы обязаны нашим литературным развитием. Это был человек с огромными научными сведениями, но главное его достоинство и заслуга заключались в том, что он умел увлечь молодежь своим предметом. В его классе все мы были внимание и слух...мы чувствовали и сознавали, что этот человек идет сам и нас ведет по совершенно новому пути...»[20]

Подводя итоги, следует сказать, что итогом воздействия правительственной политики на социокультурное пространство российских кадетских корпусов была радикальная трансформация последнего. Благожелательная атмосфера Сухопутного шляхетного корпуса, призванного воспитывать образованных и самостоятельно мыслящих офицеров, была заменена системой ограничительных и репрессивных мер, регламентировавшей каждый шаг воспитанников. Просвещенность уступила место муштре; «рассадник великих людей» был превращен в казарму. Профессора по-

кинули стены кадетских корпусов, и преподавательские должности стали замещаться случайными людьми, не имеющими ни малейших способностей к педагогической профессии. Хотя к началу 50-х гг. кризис преподавательского состава был преодолен, руководству корпусов стало ясно: долгие годы палочной дисциплины породили у воспитанников столь глубокую ненависть к преподавателям и образованию, что кадетские корпуса практически перестали наделять будущих офицеров необходимыми для службы знаниями. Именно поэтому Д.А. Милютин решился на радикальный шаг: в ходе предпринятых им реформ кадетские корпуса были реорганизованы в военные гимназии, в которых шагистика и муштра уступили место наукам.

[1] Цит. по: Шпанагель С.Л. Историко-педагогический анализ духовно-нравственного воспитания в кадетских корпусах России: Дис. ... к.п.н. — Екатеринбург, 2002. — С. 81.

[2] Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем. Ф. Глинки. (Отрывок 3-й) // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. С. 37—38.

[3] Глинка С.Н. Записки. — М.: Захаров, 2004. — С. 138.

[4] Цит. по: Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. — 2003. — № 1. — С. 75.

[5] Розен А.Е. Записки декабриста. — СПб., 1904. — С. 12.

[6] Чулков Г.И. Мятежники. 1825 г. — М., 1925. — С. 45.

[7] Из давних воспоминаний, статья В.В. Селиванова // Русский архив. — 1869. — № 6. — С. 160.

[8] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — С. 268.

[9] Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева. — Пг., 1915. — С. 113.

[10] Данченко В.Г., Калашников Г.В. Указ. соч. — С. 200.

[11] Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. — 1891. — № 3. — С. 549—550.

[12] Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. — 1861. — № 7. — С. 150—151.

[13] Кадетский быт двадцатых—тридцатых годов. 1826—1834 гг. (отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В.Д.Кренке) // Исторический вестник. — 1882. — № 4. — С. 122—123.

[14] Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.И. Львовой // Русская старина. — 1880. — № 3. — С. 637—638.

[15] Справедливости ради следует сказать, что руководство корпусов предпринимало меры по улучшению преподавательского состава, привлекая на службу студентов высших учебных заведений (РГВИА. Ф. 314. Оп.1. Д. 4410. Об определении в корпус студента педагогического института Ильсикова учителем географии и статистики). Но на общее положение дел это оказывало лишь небольшое влияние.

[16] Корсаков А.Н. Воспоминания московского кадета // Русский архив. — 1882. — № 1. — С. 373—374.

[17] Краткий отчет о положении и ходе Военно-Учебных заведений в двадцатипятилетнее царствование Императора Николая. — СПб., 1850. — С. 153.

[18] Кочаков Б.М. Педагогические кадры военно-учебных заведений в царской России // Труды Высшего военно-педагогического института им. М.И. Калинина. — Т.2. — Л., 1947. — С. 156.

[19] Высочайше утвержденное положение о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XI. Отделение первое. 9229.

[20] Миклашевский А.М. Дворянский полк в 40-х гг. // Русская старина. — 1891. — № 1. — С. 116—117.

Grebenkin A.N., e-mail: angrebyonkin@mail.ru
Associate professor of the department of theory and history of state and law of the Orel branch of RANE and CS under the President of the RF, Candidate of Historical Sciences
Novikova I.P., e-mail: nowik-ip@rambler.ru
Assistant lecturer of the department of social work and pedagogy of professional activity of the Orel branch of RANE and CS under the President of the RF

STATE POLICY IN THE SPHERE OF MILITARY TRAINING IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XVIII − 1ST HALF OF XIX CENTURIES: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

The paper analyzes the impact of government policies on socio-cultural space and teaching staff of Russian cadet corps. The authors show that the policy based on the principles of constant control and cruel punishments destroyed the educational environment of military schools.

Key words: state policy, the cadet corps, the Russian Empire.